

создание единой информационной площадки в виде интернет-портала, с возможностью размещения информации во всех популярных социальных сетях (Facebook, YouTube, WhatsApp, Instagram) и мессенджерах (WhatsApp, Viber и Telegram), для постоянного и оперативного размещения актуальной новостной программы.

При этом ежедневно повышается уровень готовности, слаженности и оперативности правоохранительных подразделений для борьбы с любыми вызовами и проявлениями экстремистского характера. Стоит отметить, что, как показывает практика антиэкстремистской деятельности, используя только запретительные методы, решить проблему экстремизма невозможно. Для преодоления этого негативного элемента необходимо сплотить общество, принять меры по совершенствованию социальной, политической, экономической и идеологической обстановки в белорусском государстве.

1. Послание Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Заседание Совета Безопасности [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/zasedanie-soveta-bezopasnosti>. – Дата доступа: 13.11.2022.

3. О противодействии экстремизму [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2007 г., № 203-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

УДК 343.985

В.С. Красиков

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Оперативно-розыскная деятельность (ОРД) – это сбалансированная правовая и организационная система проведения поисковых, разведывательных, достоверительных, в том числе и оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), осуществляемых гласно и негласно для решения законодательно установленных задач. ОРД включает в себя: научный, правовой, организационный и тактический компоненты; закономерности

взаимодействия с физическими лицами, оказывающими содействие государственным органам, в том числе и на конфиденциальной основе; материально-техническое обеспечение.

С точки зрения права ОРД – это особая система регламентированных законодательством отношений по поводу: деятельности оперативных подразделений государственных органов; участия граждан в проведении ОРМ; содействия граждан на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД; получения информации, дающей основания для проведения ОРМ; процедуры проведения ОРМ оперативными подразделениями государственных органов гласно и негласно; использования результатов и материалов ОРД в целях решения установленных задач.

Однако эта деятельность имеет значение не только сама по себе, но и во взаимодействии с действующим законодательством, особенно с уголовным процессом. И здесь есть особенность. Так, в ходе ОРД при соблюдении предусмотренных законодательством процедур, отдельные протоколы ОРМ (о прослушивании и записи переговоров, осуществляемых с использованием технических средств связи, и иных переговоров, составленные в установленном законом порядке и с приложением соответствующей записи прослушивания – ст. 99 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Республики Беларусь) имеют прямое доказательственное значение, а иные материалы ОРД, полученные в ходе ОРД, подлежат следственной проверке и оценке (ст. 101 УПК Республики Беларусь), после чего могут использоваться в процессе доказывания.

В этой связи перспектива совершенствования оперативно-розыскного законодательства относительно целей, задач ОРД, формулировок и содержания ОРМ видится в их корреляции с аналогичными позициями в уголовном и уголовно-процессуальном законодательствах [1, 2]. Это предполагает, например: гармонизацию оперативно-розыскного законодательства в части согласования формулировок ОРМ и гипотезы правовой нормы уголовного закона; внесение в УПК Республики Беларусь положений, в соответствии с которыми материалы ОРД стали бы процессуальным средством доказывания с последующей проверкой и оценкой их результатов судом; формирование в УПК Республики Беларусь главы либо групп статей, или частей конкретных статей, относительно порядка, правил и условий проведения (производства) ОРМ субъектами ОРД; согласование понятий, применяемых в ОРД и УПК Республики Беларусь относительно ОРМ и следственных действий, а также процедуры их осуществления. Этот подход предполагает комплексное и системное решение в целях гармонизации законодательства.

Есть иная перспектива. Так, уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное законодательство Украины согласуются через нормативную регламентацию в гл. 21 УПК Украины следственных (розыскных) действий, обладающих доказательственным значением, сведения о факте и методах проведения которых не подлежат разглашению (например, ч. 1 ст. 246 УПК Украины), что образует логичную связь уголовного процесса и ОРД. Одновременно негласные следственные (розыскные) действия в оперативно-розыском законодательстве (по ч. 1 и 2 ст. 8 Закона Украины об ОРД) согласуются с положениями УПК, что определяет их преемственность и доказательственное значение в рамках уголовного процесса. На основании положений ч. 6 ст. 246 УПК Украины проводить негласные следственные (розыскные) действия также имеет право следователь, осуществляющий досудебное расследование уголовного правонарушения, или по его поручению – уполномоченные оперативные подразделения государственных органов, а также другие лица. Эти решения свидетельствуют о научной и практической проработке правовых решений в рамках унификации законодательства, а также о согласовании изменений в структуре правоохранительных органов.

Относительно иной позиции в современных научных исследованиях в сфере ОРД в Беларуси следует отметить работу А.М. Шинкевича [3], который предлагает: 1) реструктуризацию ОРМ в сфере оперативно-розыскного законодательства, признание за этим названием только тех действий, которые проводятся негласно, с применением специальных технических средств, на что требуется санкция прокурора; 2) действия оперативных работников (например: оперативный опрос, наведение справок, исследование предметов и документов и др.), на которые не требуется санкция прокурора, назвать поисково-проверочными мероприятиями (ППМ), в результате чего будет достигнута экономия времени, сил, средств и методов выявления правонарушений; 3) такие ОРМ, как «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент» следует объединить и рассматривать в качестве оперативно-розыскной операции «имитация преступной деятельности», цели которой могут быть различными, например, задержание лица с поличным за преступление, установление соучастников преступления, масштабов преступной деятельности и другой информации, представляющей оперативный интерес.

Этот подход к решению научной и практической проблемы совершенствования законодательства не лишен дискуссионности. Во-первых, ППМ в такой трактовке теряют процессуальное значение в действиях по задержанию «с поличным», например, при пресечении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, в ходе которого в настоящее

время проводится оперативный осмотр предмета преступления, оперативный осмотр местности и наблюдение, что может осложнить процесс доказывания по уголовному делу. Во-вторых, ППМ остаются мероприятиями, которым потребуются локальный правовой акт, регламентирующий оперативно-служебную деятельность в этом направлении и, следовательно, отчетность, а также делопроизводство. В этой связи экономии времени, сил, средств и методов выявления правонарушений может и не получиться. В-третьих, предлагаемый термин «имитация преступной деятельности» входит в противоречие с элементом конструкции «имитация» в рамках тактического построения «оперативная комбинация», что нелогично и может создать сложности не только в теории, но и правоприменительной деятельности.

Рассуждения о дискуссионности предлагаемых решений можно продолжить, однако это не отменяет проработку вариантов предложений с учетом изменения законодательства в будущем и системного подхода. По мнению автора, проблемы ОРД и ОРМ должны разрабатываться комплексно в рамках существующей парадигмы правовых отношений, где отсутствуют конфликтные противоречия в сфере действующего законодательства; практики правоохранительной деятельности; судебной перспективы предлагаемых законодательных решений и др. В любом случае необходимо исходить из следующих обстоятельств:

1) протоколы и материалы ОРД должны являться процессуальными источниками доказательств, если получены в соответствии с установленными законодательством процедурами. Такая постановка вопроса предполагает гармонизацию уголовного, уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства, и именно это избавляет от излишней траты времени, сил и средств в сфере прикладной деятельности правоохранительных органов;

2) значимость результатов ОРД может быть достигнута и расширением круга субъектов правоохранительных органов, вовлеченных в эту деятельность. По крайней мере, противоречий в том, что следователь станет субъектом ОРД и получит возможность не только взаимодействовать, но и планировать и координировать работу оперуполномоченных в рамках ОРМ при непосредственном пресечении преступлений с задержанием с поличным – не наблюдается;

3) ОРМ с точки зрения права – это юридический акт, направленный на решение задач ОРД и уголовного процесса, именно в этом видится основная цель правовых преобразований. В этой связи научная разработка может вестись в рамках гармонизации законодательства и преемственности позиций как с точки зрения ОРД, так уголовного права и процесса.

1. Красиков, В.С. Актуальная перспектива совершенствования норм оперативно-розыскного законодательства относительно оперативно-розыскных мероприятий / В.С. Красиков // II Минские криминалистические чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 10 дек. 2020 г.) : Ч. 2 ; редкол.: Р.М. Ропот (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2020. – С. 219–222.

2. Красиков, В.С. Актуальные перспективы совершенствования оперативно-розыскного законодательства / В.С. Красиков // Государство и право в XXI веке : Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию юрид. фак. Белорус. гос. ун-та, 26–27 нояб. 2020 г., Минск / БГУ, Юрид. фак. ; редкол.: Т.Н. Михалева (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – С. 753–760.

3. Шинкевич, А.М. О совершенствовании перечня оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий в Республике Беларусь / А.М. Шинкевич // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – Минск : НПЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь. – 2021. – № 1 (49). – С. 78–83.

УДК 343.985

Д.М. Кудра

ХАРАКТЕРИСТИКА БЕЗВЕСТНОГО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Ежегодно в органы внутренних дел (ОВД) поступает более 40 тыс. заявлений и сообщений о безвестном исчезновении несовершеннолетних¹. Нередко исчезновение несовершеннолетнего сопряжено с совершением насильственных преступлений в его отношении, при этом не всегда бывают очевидны криминальный характер и обстоятельства безвестного исчезновения. Каждый год более 100 разыскиваемых, безвестно исчезнувших лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, становятся жертвами совершенного в отношении их преступления, и такое же количество погибает по иным причинам (несчастный случай, суицид и др.) в период их безвестного отсутствия.

В настоящее время серьезную озабоченность общества и государства вызывает проблема самовольных уходов несовершеннолетних, их последующая безнадзорность и беспризорность. Безвестное исчезновение ребенка или его самовольный уход всегда вызывает тревогу у его близких. Успешное выполнение правоохранительными органами задач по розыску без вести пропавших и самовольно ушедших несовершеннолетних невозможно без наличия у них достаточного количества надлежащих сведений, позволяющих провести глубокий и всесторон-

¹ Форма статистической отчетности «18» ЦСИ ФКУ ГИАЦ МВД России 10.5.0.16/csi.

ний анализ оперативной обстановки, объективно ее оценить, принять на этой основе обоснованные решения, изучить и обобщить передовой опыт, внедрить его в практику других подразделений, усовершенствовать методы работы, приемы и способы руководства и т. д. [1, с. 44]. Существенное значение при этом имеет своевременность получения нужных сведений, характеризующих безвестное исчезновение несовершеннолетнего, и грамотное их использование.

Пропавший без вести – юридический термин, определяющий положение человека, о местонахождении которого нет достоверной информации [5].

Необходимо отметить, что ни один действующий законодательный нормативный правовой акт Российской Федерации (РФ) не дает четкого определения термина «лицо, пропавшее без вести», хотя отдельные нормы, при совокупности их положений, позволяют получить представление о том, кто в соответствии с законом может быть им признан.

Сегодня указанный термин используется в различных интерпретациях в международных конвенциях, межгосударственных договорах и соглашениях РФ, в законах, многочисленных межведомственных (ведомственных) приказах, инструкциях и положениях правоохранительных и иных государственных органов. В сложившейся правоприменительной практике под ним подразумевается лицо, которое пропало неожиданно для окружающих, при неизвестных обстоятельствах и без видимых причин.

По нашему мнению, содержание понятия «лицо, пропавшее без вести» не должно ограничиваться факторами внезапности и беспричинности исчезновения, фактически, исключая из круга лиц, подлежащих незамедлительному розыску, несовершеннолетних, самовольно ушедших из семей или специализированных государственных учреждений, очередной уход которых внезапным и беспричинным назвать нельзя [2, с. 74]. Во-вторых, в ситуациях, в которых человек пропадает, могут носить и смешанный характер (самовольный уход несовершеннолетнего и совершение в отношении его преступления), а их количество, по которым граждане исчезают, увеличивается с каждым днем.

Считаем, что статус несовершеннолетнего как «лица, пропавшего без вести», должен определяться по совокупности факторов, оказавших влияние на его безвестное исчезновение, и ограничивать содержание понятия обстоятельствами внезапности пропажи и отсутствием видимых причин случившегося, в настоящее время не совсем актуально. В контексте изложенного будет целесообразным на первоначальном этапе розыска несовершеннолетнего, во всех случаях считать его «лицом, пропавшим без вести», пусть даже при очевидности причин его исчезновения и отсутствия внезапности его пропажи для окружающих.